

ТРИБУНА ОНОМАТОЛОГА

А. К. Матвеев

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ И ЛЖЕНАУКА В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мир собственных имен, прежде всего антропонимов и топонимов, всегда был очень привлекателен не только для исследователей, но и для любителей разного рода, поскольку он кажется легкодоступным и постижимым. А в наши дни, если можно придумать что-нибудь этакое, то и напечатать — совсем не проблема.

Будем справедливы: и среди любительских опусов порой попадаются стоящие, но в целом ощутимый вред такой продукции очевиден. И особенно велика вина ее распространителей — издателей, писателей, журналистов.

Ну и что с этим делать? Может быть, не обращать внимания? Но все не так просто. Ведь подобная ситуация может возникнуть только при заниженной оценке науки, когда она приравнивается к сочинительству. А это, в свою очередь, обусловлено теоретическими, методическими и этическими просчетами, которые допускают сами исследователи, публикуя неубедительные, а то и вообще несообразные работы и в то же время уклоняясь от просветительской деятельности, предписанной науке о собственных именах, как говорится, по определению.

Поэтому, раздумывая о сложностях ономатологии, о ее специфике и трудностях, нельзя упускать из виду и субъективные факторы, связанные с личностью исследователя. Они, вообще говоря, характерны не только для науки о собственных именах, но именно в этой области, прежде всего в сфере социально наиболее значимых антропонимических и топонимических исследований, почва для них особенно благодатна.

Мои интересы преимущественно относятся к миру географических названий, поэтому в основном я буду говорить о топонимических исследованиях. Для

© Матвеев А. К., 2010

Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8)

начала поясню, что понимается под топонимическими исследованиями, поскольку топонимией интересуются многие и цели их различны.

Как известно, научное исследование, если мы имеем дело с чем-либо действительно новым, предполагает констатацию и интерпретацию факта, за которыми может последовать (а может и не последовать) его теоретическое или практическое использование, в идеале — то и другое. Применительно к географическим названиям это, во-первых, выявление топонима (будь то у информанта или в каком-либо тексте), во-вторых, его интерпретация, а в-третьих, использование данного факта в интересах языкознания, разделом которого является ономастология (а подразделом — топонимика), а также и других наук, как исторических, так и наук о земле и живой природе. Есть еще и прикладной аспект, весьма актуальный в социальном отношении, но настолько специфичный, что заслуживает особого, причем очень серьезного обсуждения.

Сбор материала в принципе не является собственно исследованием. Это установление фактов, абсолютно необходимый, но начальный этап работы, ее фундамент. Однако и в процессе сбора материала мы нередко имеем дело с элементами интерпретации, например, при сопоставлении названий с реалиями или при уточнении системных связей. Завершающий процесс — теоретическое или практическое использование топонимического факта в качестве источника информации — тоже не всегда прямолинейно. Топоним оказывается в ведении других наук (лингвистических, исторических, географических и пр.), но во многих случаях действует обратная связь, и уже эти науки способствуют интерпретации.

Безмерна заслуга краеведов, топографов, учителей, а подчас и школьников, собирающих географические названия и тем самым спасающих их от гибели в эпоху перемен. Не менее обязаны мы и филологам, историкам, архивистам, которые восстанавливают, изучают и публикуют старинные рукописи и карты. Тем не менее, когда мы говорим о топонимических исследованиях в полном смысле этого слова, т. е. об исследованиях-интерпретациях, то должны к ним относить прежде всего синхроническое и диахроническое изучение топонимической системы во всех ее аспектах, имея в виду, конечно, определенный язык или языки, а также выделяемый из этой огромной проблемы в отдельное направление этимологический анализ субстратных, заимствованных и других неясных названий. Существенно как первое, так и второе. Что важнее? Это зависит от конкретной ситуации и постановки вопроса. Но труднее, притом намного, безусловно второе. Ведь в первом случае информация лежит на поверхности или близ нее, а во втором может быть зарыта очень глубоко, иногда так, что и при всем старании ее не удастся извлечь.

Но и серьезных исследователей, и любителей-дилетантов в топонимии привлекает прежде всего то, что труднее — древние темные имена. Не принципы номинации, не системные отношения и т. п. Это удел отдельных специалистов.

Уже издавна как ученых, так и неученых влечет загадочность имени. Ясно, что в этом видится прежде всего интерес к прошлому родной земли. Но не только. Здесь ведет за собой естественная тяга первооткрывателя, первопроходца, любознатца к новому, необычному, непонятному, в конечном счете — к находке, разгадке и даже открытию. Говоря языком современности — возможность извлечения совершенно новой лингвистической, исторической и географической информации. Именно по этой причине этимологическая интерпретация стала сердцевинной топонимических исследований. Потому и именуют хорошо известное топонимистам, да и всем ономатологам подразделение Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН *Отделом этимологии и ономастики*, хотя термины эти не одного порядка.

Притягательность имени поразительна. При этом самые простые люди хорошо понимают, что имя — не слово. По сравнению с именем слова обыденны и всепригодны, тогда как имя всегда индивидуально. Отсюда его таинственность и сакральность. Слова препарируют ученые, над ними колдуют и превращают их сочетания в шедевры великие поэты, но найти этимолога-любителя, который занимается происхождением слов, крайне трудно. Другое дело имена. Ибо за ними стоит не мужчина или женщина вообще, не гора или река вообще, а действительная реальность, окутанная аурой и первого знакомства, и радостью или печалью воспоминания. Вот почему не столько озадачивает, сколько восхищает способность иных информантов, будь то русский, башкир или манси, объяснять все названия подряд, пусть даже на уровне народной этимологии.

Но притяжение имени — только одно из его колдовских свойств. Есть и другое, не менее удивительное. Поскольку имя является знаком, оно по определению семанлично. Однако нет в языке более «лживого» знака, чем имя. Даже не имея внутренней формы и какой-либо другой семантики, кроме способности выделять тот или иной объект, оно может служить обществу, славить и обличать, покрывать и срывать маски. Но имя без внутренней формы — сирота, набор звуков, смысл которого утрачен. Тем самым исчезает и самая надежная опора этимологического поиска, и нас окружает лес труднодоказуемых гипотез, где легко заблудиться даже самому компетентному ученому. Вот эта «лживость» имени не могла не сделать его объектом лженауки.

В антропонимике лженаука свила гнездо на проблеме воздействия имени на судьбу человека. На страницах этого журнала [см.: Матвеев, 2004] я уже довольно подробно писал об ошибочности этого взгляда, т. е. пресловутой формулы «имя — код судьбы». Поэтому здесь напомним только главный вывод: имя действительно может воздействовать на судьбу человека, но только опосредованно: через восприятие этого имени людьми, поскольку с именами могут быть связаны самые разнообразные аллюзии, не имеющие никакого отношения к их первоначальному значению. Позволю себе еще раз привести известный пример.

В наше время назвать своих детей прекрасными античными именами *Пульхерия* и *Акакий* было бы блестящим, но преступным экспериментом.

В топонимике лженаука нередко эксплуатирует патристическую тему. В 1991 г. журналист В. Киприянов опубликовал в Архангельске книжечку «Двинская топонимика» [1991]. Киприянов — патриот русофильского толка. И это само по себе похвально. Только зачем компрометировать добрые намерения, объясняя финно-угорские топонимы с помощью русских слов: *Ракула* < *оракул*, *Чухчерема* < (потому что здесь жили) *чухчи нёмы*, *Нермуша* < *Неорамуша* < *неорамая* (т. е. «не паханая», от *орать* ‘пахать’) *земля* и т. п. Не повезло даже *Холмогорам*. Оказывается, не *Холмогоры* (упоминаются еще в документах XIV в.) стали *Холмогорами* (в памятниках XVII–XVIII вв.), а *Холмогоры* превратились в *Холмогоры*. В 1992 г. тот же Киприянов публикует еще один шедевр такого же рода — «Рассказы об Архангельске» — да еще адресует его детям среднего и старшего возраста. Здесь та же околесица: *Чубола* < *чудь была*, *Кехта* < *кехтать* ‘уплетать за обе щеки’, *Койдокурье* < рус. диал. *койдо* ‘куда’ с торжествующей назидательной репликой: «Вот вам и угро-финское наречие!» [Киприянов, 1992, 27].

Киприяновские измышления — эталонный образчик лженауки, процветающей в топонимике благодаря всеядности и безответственности средств массовой информации. Игнорируется все: апробированные методы, исторические документы, твердо установленные факты, правила, законы... Но за этим внешним антуражем скрывается еще более опасная сущность. В лженауке почти всегда (исключая бредовые сочинения шизофреников, тоже довольно многочисленные), кроме вымысла, есть и прямой умысел, преднамеренность, нарочитость установки, будь то корысть, или ложный патриотизм, как в киприяновском случае, или жажда утвердиться. Лженаука порождается либо проходимцами всех разновидностей, либо тщеславными невеждами, либо больными людьми. Она паразитирует на низком уровне науки, культуры и образования в обществе, и этому способствует слабая подготовка и недостаточная общественная активность самих отечественных ономастологов и, в частности, топонимистов.

Но есть одно немаловажное обстоятельство. Встречаются явно ошибочные работы, которые все же не следует относить к лженаучным. Так, в 1907 г. в небольшом уездном городке Вельске была опубликована книга местного жителя А. Орлова «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и народностей», где автор приходит к выводу, что все реки Европейской части России и большинство значительных рек Западной Европы получили свои названия от предков финских народностей. Эта обширная работа по-дилетантски беспомощна и научного значения не имеет, хотя в серьезности намерения и старательности автору не откажешь. И таких работ немало. Их нельзя считать лженаучными, они просто ненаучные, т. е. любительские, дилетантские. Эти работы как раз свидетельствуют о том, что в этическом плане грань между наукой и ненаукой иногда очень тонка.

А как относиться к грубейшим топонимическим просчетам выдающихся ученых? Можно ли, скажем, считать лженаучными или ненаучными труды замечательного русиста и индоевропеиста А. И. Соболевского, посвященные «иранскому» субстрату в топонимии Русского Севера? Конечно, нет. Происхождение субстратной топонимии Русского Севера — сложнейшая проблема с чуть ли не двухсотлетней историей. И ученые, конечно, имеют право на непредумышленные ошибки, тем более, что их делают прежде всего не ученые-разрушители, а ученые-созидатели. Ошибки больших ученых во многом являются результатом действия субъективных факторов в топонимических исследованиях.

На первом месте здесь, несомненно, топонимический непрофессионализм. Он неоднороден. Блестящие лингвисты, вторгаясь в топонимию, порой не знают, что это особый мир и там требуются соответствующие методы, например обязательный учет распространения — карта. Б. А. Серебренников в своей известной топонимической статье «Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР» оперирует формантом *-га*, полагая, что он принадлежит дофинно-угорскому населению [Серебренников, 1955, 23 и след.]. Но если бы он картографировал названия с этим псевдоформантом, то увидел бы, что следует выделять названия на *-юга*, *-уга*, *-Иньга* и т. п., сразу опознав их как финно-угорские.

Непрофессионализм может быть связан и с недостаточной лингвистической осведомленностью. Когда А. Алквист относит к мерянским такие названия, как *Суборь*, *Шабурново*, *Семиградское*, *Хреново*, *Сафроново*, *Кренёво*, *Харино* и т. п. [Алквист, 2000, 23–25], то она как раз демонстрирует свою неосведомленность в области русской топонимии и антропонимии, а также русской диалектологии.

Наконец, непрофессионализм может быть связан и с профессиональной ограниченностью, интересами специализации, своего рода «вкусовщиной». Лингвист может пройти мимо географических описаний, историк — пренебречь грамматическими и фонетическими закономерностями.

Второе место среди субъективных факторов надо отдать разным формам как местного, так и этнического патриотизма. В чистом виде это находим у автохтонистов, которые полагают, что никаких предшественников у них не было. Между тем давно установлено, что бессубстратных территорий или вообще нет, или это какие-то изолированные окраинные земли.

Некоторые убежденные автохтонисты считают, например, что все географические названия на территории проживания манси — мансийские. На самом же деле наименования многих более или менее значительных рек информанты манси объяснить не могут, и они явно принадлежат какому-то другому этносу. Таковы *Пасар-Вишера*, *Пёлас-Вёлс*, *Таньис-Тансуи* и др.

Третий субъективный фактор — предвзятость, в результате которой исследователь находит в топонимии только то, что хочет найти. Так, мне доводилось слышать разные мнения об истоках концепции Д. Европеуса, который считал

угорскими чуть ли все названия Русского Севера и центра России, однако у меня нет оснований рассматривать его концепцию как предвзятую, хотя полагаю, что она является заблуждением. А вот попытку Б. А. Серебренникова подтвердить эту версию в статье «О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера» [Серебренников, 1967], на мой взгляд, следует считать и неудачной в методическом отношении, и предвзятой. Почему? Методически упущен хорошо известный факт, что названия рыб очень характерны для обозначений озер, в которых нередко доминирует или вообще представлен только один вид рыбы (*Карасье, Окунёвое, Щучье* и т. п.), тогда как в реках обитает разная рыба. Поэтому и редки наименования рек, особенно более или менее значительных, по видам рыб. Предвзятость же выражена в том, что, предпочитая угорскую гипотезу финской, Б. А. Серебренников, не обращая внимания на соответствия в финских языках, так сказать, «накладывает» исключительно угорские названия рыб на субстратную гидронимию Русского Севера. Ясно, что среди множества субстратных наименований рек для них находятся более или менее близкие по звуковому составу соответствия, которые в действительности ни к рыбам, ни к уграм никакого отношения не имеют.

Так, гидроним *Печеньга* зафиксирован на территории Русского Севера тринадцать раз. Очевидно, что при столь высокой для субстратного названия частотности он должен обозначать что-то жизненно важное. Б. А. Серебренников находит соответствие в хантыйском *potsi* ‘плотва’ [Серебренников, 1967, 201]. Эта рыба имеет огромный ареал, очень многочисленна и в реках, и в озерах. И озера действительно довольно часто именовались *Плотичьими*, а в субстратной лимнонимии прибалтийско-финского происхождения им соответствуют многочисленные полукальки *Сяргозеро ~ Сергозеро* (ср. фин. *särki*, карел. *särgi* ‘плотва’). Напротив, в названиях рек такие номинации редки. На самом деле гидроним *Печеньга* восходит к субстратной основе *печ-* ‘сосна’.

Появление многочисленных новых книг дилетантского характера обусловлено действием еще одного — четвертого — субъективного фактора — влиянием других наук, прежде всего археологии и древней истории. Я никоим образом не отрицаю необходимости учета при топонимических исследованиях археологических, этнографических и прочих данных исторического характера. Но если они порождают предвзятость концепции, о которой только что шла речь, это может привести к ошибочным решениям.

Наиболее яркий пример — открытие Аркаима на Южном Урале и последующее увлечение «арийской» гипотезой как в «иранском», так и в «индо-иранском» варианте. К тому же уральские «арийцы» иногда отождествляются и с таинственными гипербореями, которые обитали чуть ли не на берегах Ледовитого океана. «Арийскую» топонимию стали искать на всем Урале, но прежде всего, естественно, на Южном. Краевед В. В. Поздеев недавно опубликовал историко-топонимический словарь [2002]. В нем довольно много интересных объяснений

русских и тюркских названий, но наряду с этим проявилось увлечение «арийской» гипотезой в ее иранском, а точнее, в пуштунском варианте, поскольку язык афганцев — пушту — основной источник этимологий. В результате русские названия *Есаулка*, *Разборная*, чисто тюркские *Баштау*, *Башташ* и многие другие им подобные объясняются на иранской почве.

Вполне вероятно, что иранские топонимические реликты сохранились в топонимии Южного Урала. Не исключено, что они есть и в южной части Среднего Урала, где начинается лесостепная полоса. Но, во-первых, их не может быть много, поскольку допустимо думать только об очень древних названиях, которым не меньше 2–3 тыс. лет. Во-вторых, по ним прошли волны великого переселения народов с завершающей, очень мощной тюркской адаптацией. Поэтому выявлять «с ходу» иранизмы в топонимии Урала вряд ли перспективно. Сначала надо снять тюркский слой (а он тоже неоднороден), затем разобраться с предполагаемыми венгерскими (и шире — финно-угорскими) реликтами, и только потом серьезно заниматься иранской проблемой.

Поиски арийской топонимии на Урале указывают на опасность еще одного субъективного фактора в топонимических исследованиях — зацикленности, гиперувлеченности, что опять-таки ведет к предвзятости и ошибочным построениям. Топонимистам, может быть, даже больше, чем другим исследователям, необходимо обладать способностью сомневаться в справедливости полученного результата, адекватно оценивать его, укрощать неумеренный восторг, признавать свои промахи и одергивать себя в нужный момент.

Обычно субъективные факторы действуют, образуя своего рода комплексы. Наиболее опасно сочетание местного и этнического патриотизма с предвзятостью. Оно нередко приводит к использованию топонимии в политической борьбе, когда топонимическими данными оперируют, чтобы обосновать претензии на соседние территории, изменение границ и т. п. Эти возможности использования географических названий давно известны. Поэтому в закрытом многонациональном обществе собственно топонимические исследования, прямо скажем, не поощрялись. Достаточно напомнить, что в Советском Союзе с его огромной территорией и неизмеримыми топонимическими возможностями в 30–40-х гг. XX в. исследований по топонимии почти не было. Оживление началось только в середине 1950-х гг.

Алквист А. Меряне, не меряне (I) // *Вопр. языкознания.* 2000. № 2. С. 15–34.

Киприянов В. Двинская топонимика. Архангельск, 1991.

Киприянов Вл. Старый Архангельск: Рассказы об Архангельске. Архангельск, 1992.

Матвеев А. К. Апология имени // *Вопр. ономастики.* 2004. № 1. С. 7–13.

- Орлов А.* Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и народностей. Вельск, 1907.
- Поздеев В. В.* Южноуральская топонимика. Челябинск, 2008.
- Серебрянников Б. А.* Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // *Вопр. языкознания.* 1955. № 6. С. 19–31.
- Серебрянников Б. А.* О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера // *Сов. финно-угроведение.* 1967. № 3. С. 199–205.